

23-30.10.97

Коротков торчит

Эта история случилась тридцать лет назад, когда носили широленные клеши, высокие начесы и танцевали шейк. Но она могла случиться сегодня и наверняка повторится завтра. Потому что все истории первой любви счастливы или несчастливо одинаково.

"Американка" — сценарий Юрия Короткова, по которому режиссер Дмитрий Месхиев только что закончил съемки своего нового фильма (совместное производство "Ленфильм" при поддержке Госкино России — Продюсерская компания "Слово"; прокат и продвижение — Продюсерская компания "Слово"). Фильм обещает быть на экранах в декабре этого года, а "ЭС" предлагает вашему вниманию фрагмент сценария.

Юрий КОРОТКОВ

Американка

I (Фрагменты сценария)

После приветственных поджопников мужикам и «саечек» девочкам мы прослушали речь директрисы, а на пороге класса нас уже поджидала Матильда с линейкой в руке. У Матильды была атасная фигура — громадные бубера, а сзади, будто для противовеса, такого же размера прицеп. Так что, когда она входила в класс, то появлялась не сразу, а по частям: сперва выплывала колышущаяся грудь, потом она сама, а следом все остальное. Болосы были так туго стянуты к затылку, что глаза и крашенные губы раздвигались с стороны.

Выстроив нас перед классом, Матильда проглотила по одному, собственноручно измеряя ширину клеши, а у девчонок расстояние до юбки от колена. Динке Огурцова не хватило длины линейки.

— А ты не приседай, не приседай, скромница. — Матильда поставила ей шариковой ручкой точку на nose, чтобы домерить остаток. — Раньше надо было думать. Тут тебе на танцы, трусами сверкать.

Когда шумер закончился, и все расселись по местам, она объявила:

— Бюки — максимум двадцать два сантиметра. Юбки — не выше пятнадцати сантиметров.

— А откуда мерить? — уточнила Огурцова.

— От центра колечной нащечки. У кого будет хоть на сантиметр больше — отправлю домой за родителями. И никакого металлолома. Это к тебе относится, Демин.

Класс недовольно загудел.

— Это чуждая нам мода, — повысила голос Матильда. — Тем более, вы знаете, к какому большому празднику готовится вся страна, — она указала на окно. На фасаде школы висели огромные портреты и нам достались рот и борода Карла Маркса. — И ты, Демин, тоже готовишься, а не лязжишь под партой, будто клад там нашел. Киселев, ты не надумал в комсомол вступить?

Киселев упрямо набычил голову и встал, глядя в парту.

— Ему боженка не велит! — тотчас оживилась все.

— В рай не пустят!

— Господи, ну почему ты в моем классе? — вздохнула Матильда. — Все показатели портишь. Шел бы в семинарию, где ли, ходил бы в расе и долбил целый день лбом об пол.

Все радостно заржали, представив толстого неуклюжего Кисея в расе.

— И еще, — продолжила Матильда, — все זאת, что летом сплунилось «чрезвычайное происшествие. Встань, Колядко!

Я поднялся, сунув руки в карманы. Класс сочувственно затих.

— Старший брат этого обалдуя, ученик десятого класса нашей школы, разбился на мотоцикле. И я хочу сказать, что это не случайность, это должно было случиться, рано или поздно. Сядь, Колядко, глаза б мои на тебя не смотрели. В то время, как ваши ровесники жертвовали жизнью за идеалы революции, сражались в партизанских отрядах — вспомните хотя бы Валу Котика и Зину Портнову... — Матильду понесло.

— Сука старая, — буркнул я, садясь. — Убыю. Но Дема меня не поддержал. Он вообще не слышал пламенной Матильдиной речи, он развалился из-за угла, — говорят, он в деревне местную суду-то визит и ухмылялся. Я тоже заглянул под парту. Дема полжизнь зеркала на нос ботинка и теперь засовывал его под переднюю парту, между ног Огурцова.

— Дай позырить!

— Самому не видно, — пропыхтел Дема. Держать прямую ногу на весу было трудно.

Я отнеснил его и заглянул издали в зеркальце. Там видны были только белые огуровские ноги, уходящие в темноту под юбкой. Мы так увлеклись, что не заметили, как сползли под парту по шую.

— Погоди, я ближе гляну, — прошептал я и полез вниз с головой.

— Чего там у вас, мужики? — перенулся к нам сзади Киселев. — Дайте посмотреть.

— Колядко, Демин, Киселев! — раздавался над нами голос Матильды. — Дневники на стол и

ной неохотой, вразвалочку вернулся с нами на бревна. Мы расселись вокруг, благоговейно глядя ему в рот, готовые внимать каждому слову. Дема поднес ему спичку, Черный важно прикурил и начал.

— Ну че, я на танцах ее снял, неделю походил, а потом...

— Нет, ты по порядку, как снял, как ходил?

— Ну че, танцы кончились, всех девок разобрали, она одна осталась, лошадь страшная. Я говорю: "Ну че, пошли, что ли?" Так и снял. Неделю ходили, потом ночью стоим у ее дома, а она говорит: "Ой, мол, холодно". Это как пароль — значит, можно. Тут пиджак на нее накидываешь и засасываешь...

— А если без пиджака? — спросил я.

— Без пиджака? — растерялся Черный. — А ты не ходи без пиджака. Дурак, с мысли сбил. Ну че, и засасывай.

— А как? — спросил Дема.

— Вот, смотри, все губы, — показал Черный два сжатых пальца с обрызганными ногтями, а вот твои, — он крепко обхватил их сверху пальтерней. — Тут главное, рот шире открыть и сосать так, чтоб у нее губы синие были.

Мы одновременно разинули рты и застыли так, глядя в небо, втягивая воздух.

— Неудобно же, с открытым ртом, — сказал Дема.

— Так тут тренировка нужна, — самодовольно ухмыльнулся Черный. — Я на помидорах тренировался. Берешь помидор — и высасываешь. Я у деда ащик помидор сожрал, пока научился.

— А дальше? — поторопил его Дема с глазами.

— Ну, там, — указал он вниз.

— А там че... — неуверенно сказал Черный. — Там не промачивайся, — он загасил чинарик и встал. — Дай-ка еще паронку.

— А ты сколько палок зараз мог кинуть? — спросил я.

— Сколько? Ну... пятнадцать-двадцать... — сказал Черный. — Ну, давайте, некогда мне; и он ушел.

— Как ты думаешь — не брешет? — спросил я, глядя в его худосочную спину.

— Да нет вроде, — задумчиво ответил Дема.

Мы втроем сидели в сараюшке-мастерской Демино бати над тазом помидоров. Выплучив глаза и побеговав от натуги, мы пытались высосать их один.

— Нет, — тяжело выдохнул Дема, — Твердые, зараза. Может, маринованные попробовать?

— А может, надкусить сперва надо? — я надкусил помидор, изо всех сил потянул рот — и чуть не захлебнулся. — А это куда? — хрипло спросил я, откашляваясь и показывая остаток.

— Ешь, куда? Не выкидывать же.

— Пососить бы.

— Ты что, жрать сюда пришел? — заорал Дема.

Мучительно отдуваясь и стараясь не колыхать набитый помидорами живот, я пришел домой. Под вешалкой, уткнувшись носами друг в друга, будто целуясь, стояли черные флотские ботинки сорок четвертого размера и белье Антонины шильки. В большой комнате было пусто. Паскуню ухмылялся, я подкрался к смежной и расплахнул верь.

Леха и Антонина подскокнули на диване и сели рядышком, сжав колени и положив сверху ладошки, как первоклассники-паньки, испуганно блестя альбомными глазами и бешуно переводя дыхание.

Я деловито подошел к книжному шкафу, вытащил огромный том энциклопедии и углубился в чтение. Они сидели, не двигаясь. Леха облизнул мокрые губы. Антонина незаметно пыталась поправить что-то на спине.

— Обед на плите, — писнула она.

— Уже наелся, — ответил я, не отрываясь от книги.

— Пойди и принеси мне дневник, — кашлянучь, придала она строгости голосу.

— Перебежись.

— Я напишу отцу, так и знай!

— Я тоже маме кой-чего напишу, — ухмыль-

баба нет. Помню, в Германии наших баб освободили из вражеской неволи, — обратился он к дяде Гоше. Два барака. А они как на нас кинулись: три года мужиков не видали. И че ж ты думаешь, как с мужиком ляжешь, так и с ума сходишь. Он нерастраченной страсти. Все сошли!

— Все? — восторженно поразился Дема.

— Все! — отрезал дядя Миша и грохнул костяшкой. — Шесть-пусто!

— Разврат один у них на уме, вот что я скажу, — недовольно прокрипел мужик под шляпой, глянув вслед Лехе с Антониной и принимаясь изучать свой беззапас. — Разврат и вражеская пропаганда. Он ее, родимую, и так! И так! И так! И так!! — ожесточенно повертел он руками, будто руль крутил. — Я двадцать лет бутербродом лежал, пока моя стыдиться перестала, перевернул — и будто на другой жерстала, потому и семья крепкая была! А они — так! И так!! И так!!! Пятилетку в четыре года, и разбежались! Разврат, вот что я скажу! Твисты-глюсты, летки-енки! Развал государства! Пусто-два! — он оскорбленно поджал губы и подвинул костяшку.

— Дядь Гош, а ты, правда, в разведке служишь? — спросил я.

— А? В танковой, — задумался теперь дядя Гоша, расставив перед собой костяшки и скрепя затылок единственной рукой. — Глубокая разведка, сдавай орден, пиши прощальные письма.

— А на Курской дуге был?

— А как же. Великая битва. Три дня не жраши, живот громче танка рычит, а конца все не видно. Тут смотри, — оживился он, — одинокая избушка. Ну, я ее на всяк случай гусыней зацепил, стена упала, а там — немецкий склад. Ну, мы выскочили, кругом пальба, а мы консервы финками курочни и жрем прямо из банки. Вроде, курные ноги, только поменьше. Тут лейтенант наш подлетает, командир роты, а он по-немецки шпурхал. Читает — а это лягушачье мясо, — захохотал он и опять умолк, почесывая затылок.

— И че? — спросил Киселев.

— А че? — задумчиво сказал дядя Гоша. — Проблевайся, вглядывайся в темноту. Он переждал через ограду и направился ко мне.

Я затаил дыхание. Не дорешаю до меня двух шагов, мужик остановился.

— Кто это? — громко спросил он, и принялся сажать на дерево, воровато озирываясь и разговаривая сам с собой, чтобы заглушить журчанье. — А это ты, Тимокха? Здорово! Чего шарился впотмак? А-а... Ну, давай, — он застенучь ширинку и двинул обратно.

Я, пригнувшись, подкрался ближе. Беседка стояла на возвышении, и мне в просвете между спинкой и сиденьем видны были только жопы, обтянутые разноцветными клешиами с торчащей из заднего кармана заточенной ручкой металлических расчесок. Жопы жили своей жизнью, переползали вперед по лавке, толкались. Я двинулся вокруг беседки, узнал под лавкой Танькины скрепченные шпильки и приподнял. Танька сидела рядом с Кочетом.

На высоте семь тысяч двести Протеллер жалобно жуужал.

"Ну что ж, не любит — так и не надо!" — Я от себя штурвал отжал... — нестройно, но проникновенно пели в беседке.

Я надул крошечный камешек и бросил ей в спину. Танька оглянулась, закатила глаза и судоро поправляя завитуку прядь, покрутила пальцем у виска: идиот. По крайней мере, настроение я ей испортил.

— Поиграй, пальцы болят, — протянул Кочет кому-то гитару. — Об зубы тут одному повердил, — пояснил он Таньке.

Песня продолжалась. Кочет опустил за спину руку, как бы потряхивая большими пальцами. Потом повел боком, занес над Танькиными плечом, выбирая момент, и в самых дурацких-детских словах обласкал ее.

— Это я уже не мог вынести. Мало того, что меня тут чуть не убил бутылкой и не оббоссал, так он еще лаял Таньку у меня перед самими глазами, так, что я отчетливо видел наборный пластмассовый перстень на его пальце. Я нацарил в темноте обломанный кирпич и с отчаянно похолодевшим сердцем заорал:

— По реке плывет кирпич из села Кукуева! — и навесом, как с миномета, запущил в беседку у них над головами. Наверное, я угодил точно в бутылку на столе, потому что раздался звон и визг девчонок и полетели осколки. — А куда же он плывет, камешко хренова? — закончил я уже издалка.

Мужик разом перемахнул через ограду и кинулся в погоню.

— Убы паскуню! Где он? Вон он! Слепень, отрезай его!

Я шаршился по кустам, а они бежали по дорожке, и на широкую улицу, ведущую в наш район, выскочили ранше меня. Я свернул в какой-то переулочек, потом в другой, все глубже и безнадежнее угвая в лабиринт «кирпики». Грозный топот погоня приближался, я слышал уже за плечом злобное сопение. Неожиданно рядом со мной взорвел мотоциклетный мотор, железная пятерня схватила меня за шиворот и посадила на заднее сиденье. Я обернулся к замешивающему измятому «кирпику» и торжествующе захохотал, показывая во весь змах от локтя.

Мы махались, грохоча по пустынным ночным улицам, и я хохотал, захлебываясь встречным ветром. И вдруг осекся, заметив, наконец, что держусь за кожаную летучицу куртку, а перед мной покачивается красный шлем с тринадцатым номером. Я изо всех сил тряс его за плечи, свесился вперед, пытаясь взглянуть в лицо, но он сидел неподвижно, как влитой, широко расставив локти, а лицо было в тени под длинным кроссовым козырьком.

Он ссадил меня и уехал, так и не обернувшись, только поднял огантук в локте руку, что ли прощаясь, то ли показывая поворот. И едва он исчез за поворотом, рев мотора оборвался. Я хотел броситься следом — и не смог шевельнуться. Я стоял на ватных ногах около своего дома, один в тишине, задыхаясь от долгого бега.

● Юрий Кузнецов — дядя Миша, Сергей Васильев — Леда ● Нина Устнова — Матильда